

Той ночью стоило только подумать, что она наконец уснула... Лиз неожиданно обнаружила себя идущей по незнакомому месту. Оно было намного-намного больше, чем королевский дворец в Олвене. Чудесным образом она не могла увидеть ни одного шва между полом и колоннами. Что-либо подобное было бы невозможно построить без магии...

Стоило ей так подумать, как она сразу поняла, где она оказалась. Это был разанатский имперский дворец.

«Ох, это сон...»

Пока она шла по до боли знакомым коридорам, перед ней неожиданно возник мальчик на вид лет восьми. Его короткие волосы торчали во все стороны, а зелёные глаза сверкали любопытством. Это был юный император Эгберт.

Тогда ещё всего лишь принц, он однажды спросил её:

— Ты уже старушка, Катора?

Услышав этот ужасно грубый вопрос вновь, Лиз вспомнила своё имя из прошлой жизни — Катора. Она ответила ему в той же уставшей манере, что была у неё в те годы:

— Где вы такое услышали, ваше высочество?

— Какой-то иностранец сказал, что все в империи уже старики, так что не стоит обманываться их внешностью. Он сказал, что как бы молодо кто-либо не выглядел, он всё равно явно старше их бабушек и дедушек! Это означает, что я тоже когда-нибудь буду стариком, а ты уже давно старушка! — рассмеялся он в ответ. Только ребёнку такое может сойти с рук.

Катора вздохнула. Эти слова скорее всего сорвались с губ иностранного посла. Наверно кто-то влюбился в имперскую леди, а его друзья пытались его вразумить, используя её возраст. Ведь в конце концов, имперка не могла выйти замуж за иностранца, ведь обладала маной. Если бы люди с маной начали рождаться за пределами империи, Разанат потерял бы своё преимущество и оказался бы под риском вторжения.

Принц похоже подслушал этот разговор, так как никакой иностранец в здравом уме не назовет имперца «стариком» ему в лицо. Впрочем, в глазах большинства чужестранцев Катора действительно была уже старушкой. Пусть она и выглядела лет на двадцать, на деле ей было 60. Самому принцу только исполнилось двенадцать, так что он скорее всего ещё не понимал значения сказанного.

Пока Катора раздумывала об этом, юный принц повернулся к большому декоративному горшку, закричав:

— Эй, ты тоже так скажи!

Из-за горшка нервно выглянула голова прятавшегося там мальчика. На вид тот был на год младше принца, его волосы были длинней, но такими же золотыми. Они окружали его прекрасное лицо, не уступавшее по красоте любой девушке.

— Т-ты уже с-ста... А-а-а-а-а-а!

Не в силах даже закончить предложение, мальчик в слезах бросился в объятия Каторы. Он вцепился в её талию, сквозь всхлипы убеждая её, что она совсем не старуха. Похоже он понимал, что это означало, и сказал это только под влиянием принца.

— Что ж, с точки зрения иностранцев, я действительно уже довольно старая. Но вы не должны говорить такого никогда своим матерям, старшим сёстрам или другим женщинам. Слышали меня, ваше высочество? — Катора предупредила принца, успокаивающе глядя другого мальчика по голове.

— Хорошо-о-о-о!

В обычных обстоятельствах рыцарь в положении Каторы не мог был отчитывать наследного принца, но у неё было позволение императорской четы. Они считали, что окружающие взрослые должны всегда указывать детям, если те переходят границы. Хотя Катора была практически единственной, кто серьёзно относился к их распоряжению. Остальные слуги во дворце всё же смягчали свой тон, боясь открыто отчитывать наследного принца.

По правде, Катора разговаривала свободно с имперскими детьми сейчас, потому что случайно однажды сильно их отчитала. После этого по какой-то причине они похоже привязались к ней, так что когда она получила разрешение их величеств, то отбросила все попытки сдерживаться. Принц любил Катору и делал практически всё, что бы она ни попросила.

Впрочем, долго Эгберт о своём поведении не раздумывал, а вместо этого быстро сменил тему:

— Пошли играть! Побежали! — рванул он с места, зовя за собой золотоволосого мальчика.

— Ваше высочество, разве вам уже не пора на занятия? — крикнула ему в след Катора.

— Я займусь ими позже!

— Её величество опять оставит вас без ужина!

Катора успела поймать принца, когда он уже вылезал в окно. Второй золотоволосый мальчик поспешил догнать их, боясь отстать.

«Какое хорошее воспоминание...»

И на этом Лиз проснулась. Купаясь в утреннем свете, льющем из окна, она приблизительно вспомнила свой сон.

— Мне уже давно не снилась прошлая жизнь...

Похоже встреча с императором сказалась и на её снах, в которых ей вспомнился юный Эгберт. В прошлой жизни она была рыцарем по имени Катора. А ещё там был золотоволосый ребёнок, чьё имя она не могла вспомнить. Именно ради его спасения она пожертвовала своей жизнью, и всё же, как бы не старалась, не могла вспомнить его имя. Неужели шок от своей гибели стёр это имя из её памяти?

Говоря о шоке, стоило проснуться, как Лиз вспомнила о своём текущем положении и тяжело вздохнула.

— Ну и попала...

Несмотря на её искреннее желание держаться на расстоянии от имперцев, она стала фрейлиной императора. Хуже того, Лиз теперь была помолвлена с одним из его рыцарей.

Она продолжала успокаивать себя, что всё будет хорошо, если болтать лишь о всяких пустяках, но тут возникла другая проблема...

— Я должна просто сидеть и потягивать чай как какой-то гость? И я могу уйти, когда мне захочется? Seriously?

Именно так звучало описание её обязанностей, выданное накануне после возвращения из гардеробной.

Имперские фрейлины не занимались уборкой за своими господами или помощью с ежедневными заботами. Они просто должны были оставаться рядом с ними всё время, развлекать разговорами и помогать поддерживать приятное настроение во время встреч. Кроме как заботы о гостях и приятной болтовни, среди их задач было, быть может, ещё помочь господину уложить причёску или дать совет по стилю, да проследить, чтобы он выделялся во время светских приёмов.

Но вести себя просто как гостя во дворце... не слишком ли это? Императору вообще нужна была фрейлина?

Этот вопрос похоже был написан у неё на лице, так что герцог Алсед поспешно пояснил, что назначение было организовано по просьбе премьер-министра. В текущем состоянии императора делегация не имела намерений позволять кому-либо из Олвена прислуживать его

величеству во время пребывания при дворе, но премьер-министр слёзно умолял их передумать. Хотя бы одного, настаивал он, на случай если возникнут какие-то проблемы.

Имперцы нехотя согласились, решив, что они могут просто расположить выбранную фрейлину вне покоев императора. В конце концов, они не имели понятия, кто мог быть замешан в заговоре, приведшим к искажению маны. Впрочем, раз Лиз узнала правду, она была вычеркнута из списка подозреваемых.

— Надеюсь, впрочем, ничего подобного не случится вновь...

Быть носимой на руках Сидисом было довольно унижительно для Лиз — в основном из-за взглядов, которые на неё бросали окружающие.

Лиз была назначена придворной дамой после того, как спасла одного из королевских сановников от дикого кабана. Это дало ей прозвище — «кабаниха» — которым дразнили её другие леди. (Вообще-то, ныне считалось варварством для женщины использовать меч.) Их представления о достойном поведении настолько отличались, что Лиз виделась монстром, так что когда её подхватили на руки и носили как какую-нибудь слабую маленькую девочку, им это должно было показаться забавным. Днём раньше Лиз даже поймала взгляд нескольких леди, стоявших в тених и смеявшихся над ней.

Хотелось бы думать, что такое не повторится, но теперь они с Сидисом были помолвлены, так что она не могла не беспокоиться. Ведь когда они говорили о возможной свадьбе, он так жалобно хватал её за руку и даже сказал, что никакого приданного ей не нужно. Такое бывает только в романах.

— В реальности такое услышишь разве что, если какой-нибудь богатый простолюдин решит жениться на дворянке без гроша в кармане ради её титула. Этот мужчина просто странный...

В любом случае, Лиз решила впредь быть настороже.

Так и решив, она выбралась из-под одеяла. Самой надеть выбранное тяжёлое кремовое платье у неё бы не вышло, так что она вызвала слуг. Почти сразу на пороге показалось две служанки. Они передали ей китель, присланный имперской делегацией, тёмно-красный, как тёплые сияющие угольки.

«Навевает воспоминания...»

Такой же китель носили придворные дамы и рыцари-женщины в империи — приталенный наряд, украшенный скромными золотыми косами и эмблемами. Когда Лиз надела его, было похоже, как будто на ней вновь был военный мундир.

В империи всегда приходилось быть настороже из-за монстров, даже в стенах дворца. Свет

Истока привлекал их, а дворец был расположен рядом с ним. Атаки были достаточно частыми, и из-за этого фрейлины, которые должны были в чрезвычайных ситуациях прикрывать тылы рыцарей, одевались схоже с ними.

В прошлой жизни, правда, Лиз всегда носила штаны, но китель был таким же. Если подумать, тот золотоволосый мальчик всегда спрашивал, почему она не носит юбки.

— Ох, вы выглядите так величественно!

Лиз не удержалась и улыбнулась в ответ на комплимент юной служанки.

<http://tl.rulate.ru/book/103914/3629845>